

Покровский А. И. Философ Аристид и его недавно открытая апология: I. Исторические сведения об Аристиде и его сочинениях; II. Перевод апологии // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 6. С. 270–297 (2-я пагин.). (Окончание.)

Философъ Аристидъ и его недавнооткрытая апологія.

XII.

Египтяне-же, будучи глупѣе и безразсуднѣе ихъ, вдалились въ заблужденіе хуже всѣхъ народовъ. Ибо они не удовлетворились предметами почитанія варваровъ и эллиновъ, но объявили за боговъ еще и безсловесныхъ животныхъ, обитающихъ какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ, а также деревья и растенія; и погрязли во всякомъ безуміи и нечестіи хуже всѣхъ народовъ на землѣ.

2. Прежде же всего, почитали они Изиду, о которой говорятъ, что она истинная богиня и что она мужемъ своимъ имѣетъ брата—Озириса. Но такъ какъ мужъ ея былъ убитъ другимъ своимъ братомъ — Тифономъ, то Изиди убѣгла съ сыномъ своимъ—Горомъ въ Библосъ Сирійскій и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока сынъ ея не выросъ; послѣ чего онъ сразился съ своимъ дядей — Тифономъ и умертвилъ его. Тогда Изиди, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ ходила повсюду и искала трупъ своего мужа Озириса и горько оплакивала его смерть. 3. Если-же теперь, Изиди дѣйствительно богиня и не могла помочь Озирису, своему брату и мужу, то возможно-ли, что-бы она помогла кому-либо другому? Невозможно, чтобы божественная природа боялась и бѣгала, или плакала и жаловалась; иначе она была-бы очень жалка.

4. Но и объ Озирисѣ говорятъ, что онъ былъ благодѣтельнымъ богомъ. Однако онъ былъ убитъ Тифономъ и не могъ помочь себѣ; а извѣстно, что подобнаго нельзя сказать объ истинномъ Богѣ. 5. И о братѣ его—Тифонѣ говорятъ, что онъ богъ, тотъ, который убилъ своего брата; но онъ

былъ умерщвленъ сыномъ своего брата и своей невѣсткой и не могъ себѣ помочь. Какой-же онъ послѣ этого, богъ? ¹⁾

6. И такъ какъ Египтяне были неразумнѣе остальныхъ народовъ, то они не довольствовались этими и имъ подобными богами, но именами боговъ называли и одушевленныхъ животныхъ. 7. Ибо нѣкоторые изъ нихъ обоготворили овцу, другіе—козла, иные — тельца и свинью; одни—ворона и сокола, другіе—коршуна и орла; прочіе—крокодила, собаку, вола, обезьяну, дракона и змѣю, наконецъ, нѣкоторые—лукъ, чеснокъ, шиповникъ и прочія творенія. 8. И не замѣтили, несчастные, относительно всѣхъ этихъ предметовъ, что они не имѣютъ никакой силы. И видя, что эти божества постоянно снѣдаются людьми, сжигаются, приносятся въ жертву и подвергаются гніенію, они все-же не поняли, что таковыя не суть боги. И такъ, въ великое заблужденіе впади Египтяне, введи подобныхъ боговъ, въ сильнѣйшее, чѣмъ всѣ народы земли ²⁾.

XIII.

Но удивляюсь я, царь, на Эллиновъ, какъ они, отличаясь отъ прочихъ народовъ обычаями и образованностью, заблудились, дошедши до поклоненія бездушнымъ идоламъ и безчувственнымъ изображеніямъ? 2. Удивляюсь, какъ они, видя своихъ боговъ, обдѣлываемыми отъ мастеровъ, привязываемыми и вращаемыми ими, старѣющими отъ времени, разрушающимися и уничтожимыми, не поняли относительно ихъ, что это не боги? Ибо, когда они не были въ

¹⁾ Раздѣльное изложеніе характеристики трехъ главныхъ египетскихъ божествъ взято нами изъ сирскаго текста; тогда какъ Грекъ повѣствованіе о всѣхъ этихъ богахъ соединяетъ въ одномъ общемъ разсужденіи. Трудно окончательно рѣшить, отчего зависитъ здѣсь разница: произошла-ли она вслѣдствіи желанія Сирійца говорить обо всемъ раздѣльно и подробно, или же возникла благодаря стремленію автора „Варлаама“ нарушить монотонность разсказа. Последнее предположеніе кажется намъ болѣе вѣроятнымъ; къ нему, между прочимъ, склоняется и такой убѣжденный сторонникъ греческаго текста, какъ Raabe—см. *Weitlage z. Textvergl.* 51 s. *Texte und Untersuch.* 1892, IX, 1.

²⁾ Последнее предположеніе въ греческомъ текстѣ начинается уже гриндацкую главу, но оно умѣстише въ заключеніи двѣнадцатой, какъ и находится въ сирской версіи—Heinicke - 30 s.

состояніи ничего сдѣлать для собственнаго спасенія, то какъ-же могутъ они промышлять о людяхъ?

3. Поэты-же и философы ихъ, желая своими твореніями и сочиненіями почтить своихъ боговъ, говорятъ, что они (идолы) сдѣланы въ честь Бога—Вседержителя и подобны Ему, Тому, Кого никогда никто не видалъ, чтобы судить, на что онъ похожъ, и никто увидать не можетъ. 4. И они разсуждаютъ о Немъ, какъ объ имѣющемъ нѣкоторый недостатокъ, когда говорятъ, что Онъ нуждается въ жертвѣ и возліяніи, въ убійствахъ (людей) и въ храмахъ. Но Богъ ни въ чемъ не нуждается (*ἀπροσδεής*) и ничего изъ этого не ищетъ и заблуждаются люди, такъ ошибающіеся.

5. Поэты-же ихъ и философы ¹⁾, утверждая, что одна природа (*μία φύσις*) всѣхъ боговъ ихъ, не поняли, какова именно истинная природа Бога. Ибо, если тѣло человѣка, будучи многократно (*πολυμερές*), не разстраивается въ собственныхъ частяхъ, но гармонируя всѣ части (*σύνθετον*), имѣетъ ихъ у себя въ недѣлимомъ единствѣ (*ἀδιείρηκτο ἔνωσις*), то какъ-же въ природѣ бога допущена эта самая борьба и разногласіе? Если-бы существовала единая при-

1) Начало этого отдѣла въ греческомъ текстѣ читается такъ: „*Ἄλλ' οἱ ποιηταὶ αὐτῶν καὶ φιλόσοφοι τῶν τε Χαλδαίων καὶ Ἑλλήνων καὶ Αἰγυπτίων*“... Отсюда видно, что греческій редакторъ, вопреки сирскому переводчику, содержаніе XIII гл. не ограничиваетъ одними Греками, но распространяетъ его также на Халдеевъ и Египтянъ. Этимъ онъ старается какъ-бы оправдать въ глазахъ читателей свое трехчастное раздѣленіе народовъ, сдѣланное имъ въ началѣ второй главы апологіи. Но нетрудно видѣть, что добавленіе Халдейскихъ и Египетскихъ философовъ въ XIII гл. сдѣлано греческимъ редакторомъ болѣе или менѣе произвольно; изъ контекста рѣчи довольно ясно, что все содержаніе главы направлено лишь противъ однихъ Грековъ, этихъ „мудрецовъ древности“, съ которыми уже никакъ нельзя поставить на одну доску и Египтянъ, по возрѣнію апологета, людей „глубѣйшихъ изъ всѣхъ народовъ земли“. Да и самъ греческій авторъ вскорѣ сбивается съ своей точки зрѣнія, когда въ отдѣлѣ о законахъ (8) точно также начинаетъ говорить лишь объ однихъ Грекахъ. Все это еще сильнѣе убѣждаетъ насъ въ искусственности трехчастнаго раздѣленія народовъ, даннаго въ греческой версіи.

Пользуясь случаемъ, устраняемъ здѣсь еще одно возраженіе противъ четверичной классификаціи, указывающее на то, что введеніе XII гл. о Египтянахъ въ трактатѣ объ Эллинахъ, нарушаетъ стройность плана; по нашему мнѣнію, Египетское идолослуженіе вводится сюда апологетомъ въ качествѣ наиболее разительнаго примѣра того религіознаго вырожденія, которое повсюду сквозитъ уже и въ греческой мивологіи

рода боговъ, то невозможно было-бы, что богъ преслѣдовалъ бога, или умерщвлялъ, или-бы вредилъ ему. 6. Когда же одни боги преслѣдуются другими, заколаются, похищаются и убиваются молніей, то, очевидно, тутъ уже не единая природа, а различныя понятія (*ἑῶναι διηρημέναι*), всѣ плохо составленныя; такъ что никто изъ нихъ не есть Богъ.

7. Поэтому очевидно, царь, вся наука о природѣ боговъ (*φυσιολογία*) есть заблужденіе. Ибо не должно считать богами видимыхъ и невидящихъ, но невидимаго (*ἀόρατον*) и все видящаго, и все устрояющаго (*πάντας δημιουργήσαστα*), должно почитать за Бога ¹⁾.

8 Какимъ такъ-же образомъ мудрецы и ученые изъ Элливъ не поняли, что у нихъ учредители законовъ осуждаются своими собственными законами? Ибо, если законы справедливы, то боги ихъ, творящіе преступленіе закона (*παράνομαι*), всцѣ о нечестивы, будучи взаимоубійцами, волшебниками, ворами, любодѣями и мужеложцами. Если-же они (боги) хорошо поступаютъ, то, слѣдовательно, нечестивы законы, учрежденные богами. Если теперь законы, одобряющіе доброе и порицающіе дурное, хороши и справедливы, то дѣла боговъ ихъ есть преступленіе; слѣдовательно, боги ихъ, какъ преступники, всѣ подлежатъ смерти, а выводящіе такихъ

1) Последнее предложеніе, составляющее заключительное сужденіе о богахъ язычества, въ сирскомъ переводѣ выражено нѣсколько иначе: „если теперь въ порядкѣ вещей, что мы удивляемся тому Богу, Который видимъ и Самъ не видитъ (?), то насколько же болѣе удивительно то, что каждый вѣрять въ природу, которая невидима и все видитъ. И если прилично удивляться произведеніямъ художника, то еще болѣе подобаетъ прославлять Творца—художника“. Все это предложеніе и лишено связи съ предыдущимъ, и темно само по себѣ; по сохранившимся остаткамъ сходства его съ греческой параллелью можно судить, что оно представляетъ вольный переводъ непонятной мысли подлинника; въ частности, возможно потому, что переводчикъ вмѣсто *οὐ* читалъ *εἰ*, вмѣсто *ἀνομάζειν* — *φαιναίνειν*, вмѣсто *θεόν*—*φύσιν*, вмѣсто *τόν* — *τινά*, вмѣсто *σίβησθαι*—*πιστεύσθαι*.

2) Взаимоключеніе противорѣчій между законами Грековъ и разсказами объ ихъ богахъ, Сирийцемъ не вполне выдержано. Судя по греческому тексту, цѣлью апологета было доказать, что греческіе мудрецы собственными же законами рѣшительно осуждаютъ своихъ боговъ. сирскій-же переводчикъ окончательно не передаетъ этого, а довольствуется альтернативой: или законы праведны и боги нечестивы, или, наоборотъ, справедливы боги и неправильны законы; вывода отсюда онъ не дѣлаетъ, т. е. опускаетъ вторую часть доказательства—приложеніе общаго рассужденія къ данному

боговъ — нечестивы ²⁾, 9. Ибо если исторіи о богахъ — мифы, то они ни что иное, какъ только слова; если онѣ натуралистическаго характера (*μυθικά*), то уже это дѣлающіе и такъ страдающіе суть не бога, если-же онѣ — аллегоріи, то они ничто ибо иное, какъ и мифы ¹⁾.

XIV.

Приступимъ теперь, царь, къ Іудеямъ, чтобы посмотрѣть, что мыслятъ и они о Богѣ?

2. Іудеи, именно, говорятъ, что существуетъ единый Богъ, всемогущій Творецъ всяческихъ (*τὸν ἀπ᾿ ἀρχῆς πατοκράτορα*) и что не должно почитать что—либо иное, кромѣ одного только Бога. 3. И въ томъ они, повидимому, приближаются къ истинѣ выше всѣхъ народовъ, что болѣе почитаютъ Бога, а не Его творенія (*ἕρως*) и что подражаютъ Богу въ челоуѣколюбіи (*φιλανθρωπία*), помогая бѣднымъ, выкупая плѣнныхъ, погребая мертвыхъ и творя подобное этому, угодное предъ Богомъ и славное предъ людьми, что они получили отъ своихъ предковъ. 4. Однако-

случаю. Въ этомъ отношеніи греческій текстъ послѣдовательнѣе и удачно восполняетъ недостатокъ сирскаго, обвиняя боговъ не только въ противорѣчій съ законами, но и въ самопротиворѣчій.

¹⁾ Употребленное здѣсь авторомъ раздѣленіе всѣхъ сказаній о богахъ на *μυθικά*, *φυσικά* καὶ *ἀλλυγορικά* взято имъ въ нѣсколько своеобразномъ смыслѣ, если только не допустить, что здѣсь произведена позднѣйшая порча текста. Апологетъ, повидимому, предупреждаетъ то возраженіе, что всякій соблазнъ въ разсказахъ о богахъ исчезаетъ, если установить ихъ правильное мифологическое пониманіе. Идя на встрѣчу этому возраженію, апологетъ говоритъ, что оно совершенно не достигаетъ цѣли: всѣ физическія и аллегорическія познания не болѣе, какъ пустыя рѣчи, которыя, при серьезномъ взглядѣ на нихъ, не могутъ даже имѣть и отношенія къ религіи. Чисто же мифологическая теорія создаетъ такихъ боговъ, которые уже перестаютъ и походять-то на боговъ. Подобное дѣленіе древне-религіозныхъ представленій было въ большомъ распространеніи у классиковъ, но оно устанавливалось нѣсколько иначе: подъ именемъ *μυθικά*—разумѣлось буквальное пониманіе всѣхъ сказаній о богахъ, бывшее основнымъ пунктомъ народнои вѣры. Болѣе одухотворенное пониманіе этихъ грубыхъ сказаній извѣстно подъ названіемъ—*ἀλλυγορικά*, частный видъ котораго образуютъ и *φυσικά*—космогоническое объясненіе Миеовъ.

Отсюда, въ виду несообразности сказаннаго въ 9 ст. относительно *φυσικά*, намъ кажется, что предикаты къ *μυθικά* и *φυσικά* перепутаны между собой и для правильнаго позстановленія рѣчи ихъ должно помѣнять мѣстами.

же и они уклонились отъ истиннаго познанія и хотя въ мысляхъ своихъ думали, что служатъ Богу, по дѣламъ оказывалось, что служеніе ихъ относится къ ангеламъ, а не къ Богу, хотя они и соблюдаютъ субботы и новомѣсячїи и опрѣсноки и великій праздникъ (*μεγάλην ἡστέϊαν* — Пасху?) и обрѣзачіе, и воздержаніе въ пищѣ—впрочемъ, и это все не особенно строго сохраняютъ ¹⁾.

XV.

Христіане-же, царь, такъ какъ они всюду ходили и искали, обрѣли истину и, насколько можно судить изъ ихъ писаній, подошли къ ней и къ правильному познанію гораздо ближе всѣхъ остальныхъ народовъ. 2. Ибо они познали Бога Творца и устроителя всяческихъ (*κτίστην καὶ δημιουργὸν τῶν πάντων*) и кромѣ Его не почитаютъ никакого иного Бога ²⁾. 3. Отъ Него они получили заповѣди (*ἐντολάς*), которыя имѣютъ начертанными въ сердцахъ (*ἐν ταῖς καρ-*

¹⁾ Реконструкція этой главы сдѣлана съ сирскаго текста. Въ изложеніи ея сирскій и греческій тексты расходятся почти всецѣло; общаго между ними только двѣ мысли — *σέβονται γὰρ τὸν θεὸν μόνον παντοκράτορα* и *ἐυύζειν τῇ ἀληθείᾳ*. И въ данномъ случаѣ даже сторонники греческаго текста отдають предпочтеніе сирскому—см. Raabe Textverg. 56 s. T. u. U. 1882. IX, 1. Въ послѣднемъ, какъ мы видимъ, дана краткая и существенная характеристика іудейства, совершенно по подобію того, какъ раньше говорилось объ язычествѣ; въ греческомъ же текстѣ представлена цѣлая историческая картина іудейства, гдѣ особенно отгѣняется фактъ черной неблагодарности іудеевъ къ Богу; и хотя подробности, которыми онъ очерчиваетъ исторію Еврейскаго народа могутъ иногда прямо поражать своимъ сходствомъ съ библейскими цитатами (Дѣян. III, 14. I Io. 2, 22. Гуд. 4), однако они совершенно излишни и даже вредны для цѣлей апологїи. Въ намѣренїи апологета было доказать безусловное превосходство христіанской религїи, по отношенію къ которой и іудейство было посредствующей и какъ-бы подготовительной ступенію; такъ что общее отношеніе апологета къ іудейству должно называть благоприятнымъ, а не тѣмъ отрицательнымъ, каковымъ выставляется оно въ греч. текстѣ. Прямымъ доказательствомъ позднѣйшаго происхожденія греческаго текста XV гл. служить находящееся въ ней выраженіе *τῶ ἡγέμῳ τῶν Ῥωμαίων*, вмѣсто *τῶ ὑπετίρῳ ἡγέμῳ*, какъ-бы слѣдовало ожидать отъ греческаго автора втораго вѣка.

²⁾ Въ этомъ стихѣ греческій текстъ имѣетъ нѣкоторое добавленіе, а именно, послѣ слова *τῶν πάντων* стоитъ *ἔι τίψ μοι οὐγενεὶ καὶ πνεύματι ἀγίῳ*. Даже Raabe, очень доверчиво относящійся къ греческому тексту, считаетъ эти слова позднѣйшей прибавкой.

*δία: χειραγυρίας*¹⁾ и ихъ они сохраняють, ожидая воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка (*ἀνίστασθαι νεκρῶν καὶ ζωῆν τοῦ μέλλοντος αἰῶνος*)¹⁾. 4. Ради этого они не прелюбодѣйствуютъ, не распутствуютъ, не лжесвидѣтельствуютъ, не ищутъ чужаго, почитаютъ отца и мать, справедливо судятъ 5. Чего не хотятъ себѣ, недѣлаютъ того другому, обижающихъ ихъ увѣщаютъ и дѣлаютъ ихъ полезными себѣ самими, стараются благодѣтельствовать даже врагамъ. 6. И жены ихъ, царь, чисты, какъ дѣвы, и дочери ихъ благовоспитанны, и мужья ихъ воздерживаются отъ всякаго незаконнаго сожитія и всякой нечистоты въ надеждѣ на будущее воздаянiе въ томъ свѣтѣ. Рабовъ-же и рабынь, и дѣтей, если ихъ имѣють, они, изъ любви къ нимъ, убѣждаютъ сдѣлаться христіанами и когда они становятся ими, они безразлично называютъ ихъ братьями 7. Они кротки и услужливы, ненавидятъ ложь и любятъ другъ друга; вдовицы не призирають, сироты не покидаютъ. Имѣя, охотно жертвуютъ неимущему. Когда увидятъ иноземца, выходятъ изъ жилища и привѣтствуютъ его, какъ истиннаго брата, ибо и самихъ себя они называютъ братьями, не по плоти, но по духу. 8. И когда кто-либо изъ бѣдныхъ помираетъ, и его увидитъ кто-нибудь изъ христіанъ, то онъ, по силѣ возможности, беретъ на себя заботу объ его погребенiи. И если они услышатъ, что кто либо изъ нихъ плѣненъ, или терпитъ несправедливость за имя Христа, они всѣ заботятся о немъ и, если возможно, освобождаютъ его. 9. И если кто-либо изъ нихъ бѣденъ или нуждается, они-же не имѣють лишннихъ жизненныхъ принасовъ (*ἐπιτίθεια*), то постятся въ теченiи двухъ или трехъ дней, чтобы восполнить его нужду (удовлетворить ее).

И заповѣди Христа (*τὰ προεβόηματα τοῦ Χριστοῦ*) твердо сохраняють, живя благочестиво и правосудно, сообразно съ

1) Въмѣсто безличнаго указанiя „отъ Него“—въ греческомъ опредѣленно-указывается „отъ Господа Иисуса Христа“, хотя первое указанiе больше гармонируетъ съ характеромъ изложенiя апологiи. Умѣстно также напомнить, что по греческому тексту въ этой именно главѣ находится тотъ историческій очеркъ основанiя христіанства, который мы, въ параллель съ сирскимъ текстомъ, отнесли во вторую главу. Будучи тамъ вполне на своемъ мѣстѣ, онъ былъ-бы не такъ умѣстенъ здѣсь, при разсужденiи о вѣро-и право-ученiи христіанъ.

тѣмъ, какъ повелѣлъ имъ Господь Богъ. 10. Благодаря Его на всякій часъ за всякую пищу и питье и прочія блага. 11. И когда кто-либо праведный изъ нихъ умираетъ, они радуются и благодарятъ Бога и провожаютъ тѣло его, какъ-бы переселяющагося изъ одного мѣста въ другое. И когда у кого-либо изъ нихъ рождается дитя, они славословятъ Бога (*εὐλογοῦσιν θεόν*); когда-же умираетъ младенецъ, они еще болѣе прославляютъ Бога за то, что онъ (младенецъ) прожилъ въ мірѣ безгрѣшнымъ. Если-же видятъ, что кто-либо изъ нихъ умираетъ во грѣхахъ, то горько плачутъ и стонаютъ о немъ, какъ объ идущемъ на осужденіе (*εἰς τιμωρίαν*). 12. Таковы, царь, законы христіанъ и ихъ нравы.

XVI.

Какъ люди, познавшіе Бога, они просятъ Его только о томъ, что прилично Тому дать, а имъ получить; и такимъ образомъ проводятъ жизнь. И такъ какъ они познали на себя благодѣянія Бога, то убѣждены, что все прекрасное въ мірѣ существуетъ для нихъ. 2. О добрыхъ же дѣлахъ, ими совершаемыхъ, они не трубятъ въ уши толпы, боясь, напротивъ, что-бы кто-либо не замѣтилъ этого, такъ что скрываютъ свой даръ (*τὸ χάρισμα*, ihre Gabe), какъ кто-либо, обрѣтшій сокровище. И они стараются быть справедливыми, какъ люди, ожидающіе видѣть Христа (сирск. Мессію) и съ большою похвалою получить отъ него обѣщанное (*τὰ ἐπιμελεμένα*). Итакъ, воистинну это есть путь истины, который идущихъ по немъ вводитъ въ вѣчное царство, обѣщанное Іисусомъ Христомъ въ будущей жизни ²⁾.

¹⁾ И эта глава, подобно предыдущей, почти въ полномъ своемъ составѣ восстановлена по сирскому тексту; впрочемъ, всѣ существенныя черты ея удержаны и въ греческомъ текстѣ; но въ немъ онъ изложены въ самомъ сжатомъ и сокращенномъ видѣ, безъ тѣхъ мелкихъ бытовыхъ особенностей изъ жизни первенствующихъ христіанъ, которыя такъ характеристичны для нашего апологета.

²⁾ За исключеніемъ послѣдняго предложія, взятаго нами съ греческаго текста, переводъ и этой главы сдѣланъ съ сирскаго текста, такъ какъ всѣ четыре предшествующія мысли опущены въ греческомъ текстѣ. Возражая противъ подлинности ихъ, Raabe находитъ, что они, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны здѣсь, послѣ заключительнаго вывода предшествующей

3. Ученія же ихъ и заповѣди (τοὺς δὲ λόγους καὶ τὰ προσηύχματα) и священное служеніе (τῆρ σεμνῆρ λειτουργίαν) и ожиданіе будущей жизни ты, царь, можешь узнать изъ ихъ писаній (γραφῶν αὐτῶν). 4. Съ меня-же достаточно, что я въ кратцѣ познакомилъ тебя (по сирск. Ваше Величество) съ христанской истиной и ихъ обычаями. Ибо, дѣйствительно, велико и достойно удивленія есть ученіе ихъ для того, кто желаетъ вникнуть и уразумѣть его; воистину, это новый народъ (καιὸν ἔστι τὸ ἔθνος) и въ немъ божественное примѣненіе (θεῖον τι ἐπιμεμψμένον αὐτῶ)! ¹⁾ 5. И чтобы узнать тебѣ, царь, что все это я говорю не отъ самого себя, ты вникни (εγκύψας) въ писанія христанъ, и тогда найдешь, что, кромѣ истины, я ничего не говорю ²⁾. И прочитавъ ихъ писанія, я увѣровалъ въ это и въ будущее; и ради этого вынужденъ открыть истину тѣмъ, которые имѣютъ къ ней склонность и ищутъ будущаго міра. 6. И для меня несомнѣнно, что ради молитвъ христанъ стоитъ міръ. Прочіе-же народы и сами заблуждаются и другихъ вводятъ въ заблужденіе, преклоняясь (повергаясь) предъ стихіями міра и блуждаютъ во тьмѣ, какъ-бы ошущю, сталкиваются другъ съ другомъ и падаютъ какъ опьяненные ³⁾.

главы; но мы скорѣе склонны принять это заключеніе за поспѣшное обобщеніе переводчика, чѣмъ поступиться такими трогательными чертами древне-христанской характеристики

1) Послѣдняя мысль, кажущаяся для нѣкоторыхъ соблазнительною, не имѣетъ ничего серьезнаго противъ своей подлинности, такъ какъ она встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ этого времени, напр. въ восьмѣ къ Диогнету I гл. и въ Предицѣ Петра.

2) Взято съ греческаго, такъ какъ въ сирскомъ стоитъ менѣе удачное, безличное обращеніе: „возмите, прочитайте, найдете“.

3) Всѣ основныя мысли этой главы существуютъ и въ греческомъ текстѣ, но они изложены тамъ въ самомъ сжатомъ и сокращенномъ видѣ съ пропускомъ посредствующихъ переходовъ, въ силу чего раздѣльное изложеніе сирскаго текста, конечно, предпочтительнѣе. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь еще одну особенность настоящаго греческаго текста—въ немъ, именно, посредствующей связью между мыслями 5 и 6 стиховъ служитъ слѣдующее предложеніе: „καλῶς οἱ ἐνέχει ὁ τίς σου καὶ δικαίως ἐδιδάχθη τοῦ λαθρεῖν ζῶντι θεῶ καὶ σωφῆραι εἰς τὸν μέλλοντα πειρασθεῖσθαι αἰῶνα, — что составляетъ очевидную приставку изъ подъ пера автора „Варлаама“. Въ его сочиненіи они требовались связью рѣчи и были направлены, какъ и вся эта импровизація, отъ лица пустынника Нахора къ царю Абенисеру, въ частности данное мѣсто къ его сыну, который, вопреки волѣ отца, при-

XVII.

Здѣсь конецъ моего слова къ тебѣ, царь (*ἕως ὧδε ὁ πρὸς σέ μου λόγος, βασιλεῦ*)! Ибо объ остальномъ, находящемся, какъ сказано, въ ихъ писаніяхъ трудно даже и говорить; ими же это не только говорится, но и дѣлается.

2. Элины-же, царь, сами твоя постыдное, до незаконныхъ связей съ мужьями, матерями, сестрами и дочерьми, вину своего нечестія (*τὸν γέλωτα τῆς ἀσελγείας αὐτῶν*) обращаютъ на христіанъ. Христіане, наоборотъ, праведны и благочестивы, друзья истины и великодушны.

3. Такъ что, зная заблужденіе ихъ, они переносятъ насмѣшки и удары ихъ и даже еще болѣе оказываютъ имъ состраданія, какъ людемъ, не вѣдущимъ истины, и молятся за нихъ, чтобы они обратились отъ своего заблужденія.

4. Если-же случится кому-либо изъ нихъ снова отпасть, то онъ, стыдась предъ христіанами своихъ поступковъ, снова исповѣдуетъ Бога, говоря: „въ невѣдѣніи я сотворилъ это“, и онъ очищаетъ свое сердце и прощаются ему грѣхи его (*καὶ ἀφίενται αὐτῷ αἱ ἁμαρτίαι*), такъ какъ онъ согрѣшилъ въ то прошлое время, когда хулилъ и смѣялся надъ познаніемъ христіанъ.

5. И дѣйствительно счастливъ народъ христіанскій выше всѣхъ народовъ земли (*μακάριοι δὴ τὸ γένος τῶν χριστιανῶν*).

6. Пусть же перестанутъ клеветующіе и злословящіе (*ματαιολογοῦντες*) христіанъ и пусть они возвѣстятъ истину.

Ибо гораздо полезнѣе почитать Бога—Творца, чѣмъ пустой звукъ. 7. Ибо сказанное христіанами есть божественная истина и ученіе ихъ есть дверь свѣта (*πίλη ἐστὶ φωτός*).

8. Итакъ, пусть приступятъ всѣ, невѣдущіе Бога, и примутъ Его нетлѣнные и вѣчные глаголы, чтобы, избѣгнувши

нзя христіанство. Чтобы окончательно разочаровать въ язычествѣ, какъ самого юнаго прозелита, такъ и его закоренѣлаго отца, пустыинникъ и пользуется апологіей Аристиды, какъ средствомъ вполне подходящимъ для этой цѣли. Приведенныя нами слова ободренія и утѣшенія не оставляютъ сомнѣнія относительно истиннаго характера утилизаци ан. Аристиды авторомъ „Варлаама“.

наказанія въ грядущемъ страшномъ судѣ, явиться участниками новой жизни ¹⁾).

Конецъ апологіи философа Аристиды ²⁾.

Анализъ содержанія апологіи Аристиды.

Мы закончили опытъ возстановленія первоначальнаго текста апологіи Аристиды; сознаемся, что не можемъ ручаться за безусловную его вѣрность, однако замѣтимъ, что сомнительность и неточность касаются почти исключительно внѣшняго выраженія мыслей, содержаніе же апологіи въ общемъ сѣгласно устанавливается всѣми существующими версиями апологіи, такъ что на представленный нами текстъ съ правомъ можно смотрѣть, какъ на первоначальный. Можно-ли этотъ текстъ апологіи признать подлиннымъ, т. е. принадлежащимъ Аристиду, христіанскому философу изъ Аѳинъ, первой половины втораго вѣка?—вотъ вопросъ, на который намъ слѣдуетъ теперь отвѣтить.

Намъ нѣтъ нужды особенно распространяться о подлинности апологіи, такъ какъ, почти по общему мнѣнію, она, послѣ того, какъ открыты сирскій и греческій тексты апо-

¹⁾ Эта послѣдняя мысль отсутствуетъ въ сирскомъ переводѣ, который говоритъ лишь о дерзновеніи, съ которымъ познавшіе Бога могутъ приступать къ страшному суду, имѣющему, по слову Іисуса Христа, распространиться на весь человѣческій родъ.

²⁾ Такая подпись находится въ рукописи сирскаго перевода. Ни въ настоящемъ греческомъ текстѣ, ни въ имѣющемся у насъ сирскомъ переводѣ мы не находимъ яснаго указанія на то, чего слѣдовало-бы ожидать въ качествѣ конечной цѣли апологіи—просьбы къ императору о благосклонномъ отношеніи къ христіанамъ, какъ это обычно дѣлаютъ всѣ другіе апологеты. Можно предположить, что обращеніе это было выпущено редакторами дошедшихъ до насъ текстовъ, какъ анахронизмъ, не идущій къ ихъ цѣли; или же вѣрнѣе, можно думать, что и самъ философъ Аристидъ не дѣлалъ особаго обращенія къ снисходительности императора въ томъ справедливомъ убѣжденіи, что истина христіанства съ достаточной силой говоритъ сама за себя и что христіане нуждаются не въ снисходительности, а въ возстановленіи поправленныхъ правъ. Надѣясь на правдивость и благоуміе императора, апологетъ, изобразивши истинну христіанскаго вѣро и нравоченія, считалъ излишними особія просьбы, такъ какъ всѣмъ содержаніемъ своей апологіи онъ доказалъ ихъ право прибѣгать подъ защиту закона отъ злонамѣренныхъ клеветниковъ

логін, стоитъ внѣ сомнѣній ¹⁾). Посему въ данномъ случаѣ мы ограничимся лишь общимъ указаніемъ внутреннихъ признаковъ и внѣшнихъ свидѣтельствъ въ защиту подлинности апологіи. Особенную цѣнность имѣетъ раскрытіе внутреннихъ признаковъ подлинности апологіи, поскольку она, прямѣе достигая цѣли, проливаетъ въ то-же время свѣтъ на современное ей состояніе христіанскаго вѣро-и нравовученія. Въ этомъ отношеніи преимущественнаго вниманія заслуживаетъ сравненіе главныхъ мыслей и метода апологіи Аристида съ апологетическими сочиненіями втораго вѣка, откуда открывается какъ родство нашей апологіи съ послѣдними, такъ и точнѣе опредѣляется ея мѣсто среди нихъ.

Отличительнымъ характеромъ апологетической литературы является соприкосновеніе христіанскаго міровоззрѣнія съ произведеніями языческой философіи. „Здѣсь религія соединялась съ мистикой и философская спекуляція снова ожила въ христіанствѣ; съ другой стороны, юная христіанская вѣра оказалась склонной къ философіи и познала въ ней ту силу, которую съ пользой обратила на служеніе себѣ. Такимъ характеромъ, преимущественно, отличаются апологіи втораго вѣка“. Вникая ближе въ содержаніе апологіи Аристида, мы замѣчаемъ самое точное родство ея съ произведеніями классической философіи, въ особенности съ ученіемъ Филона, и ближайшую аналогію съ современными ей апологетическими произведеніями, стоящими подъ тѣми-же самыми вліяніями; и, что особенно замѣчательно, такое сходство простирается не только на самый кругъ идей, но и на отдѣльныя мысли и даже техническія выраженія ихъ.

Въ первой главѣ своей апологіи, служащей какъ-бы введеніемъ къ ней, Аристидъ выступаетъ предъ нами въ тогѣ истиннаго философа. Здѣсь онъ развиваетъ отвлеченное философское понятіе о Богѣ, безъ спеціальнаго христіанскаго момента — даетъ, словомъ, идею чистаго монотеизма и монотеистической космологіи, причемъ для выраженія своихъ мыслей пользуется техническими терминами языческо-іудейской (Филона) философіи. Въ частности, первая мысль апологета, что созерцаніе красоты вселенной, вызывая удив-

1) *Pape* „Die Predigt und das Briefsfr. d. Aristides“ *Tex. u. Unt.* III, 2, 1894 г.

леніе, порождаетъ мысль о Первовиновникѣ всего — Богѣ, приблизительно въ тѣхъ-же выраженіяхъ находится у Діодора, Цицерона и Филона ¹⁾).

Она сильно напоминаетъ намъ подобную-же мысль ап. Павла изъ его посланія къ Римлянамъ I гл. 20 ст. Слѣдующая за этой, мысль апологета о Богѣ, какъ Перводвигателѣ и устроителѣ вселенной, стоитъ въ очевидномъ родствѣ съ ученіемъ Аристотеля о Богѣ, какъ Перводвигателѣ и Художникѣ вселенной. Здѣсь апологетъ Аристидъ стоитъ ближе къ языческой философіи, чѣмъ послѣдующіе апологеты, у которыхъ болѣе опредѣленно выражается мысль о Богѣ, не только какъ о Двигателѣ и Устроителѣ міра, но и какъ о Творцѣ Его; впрочемъ, послѣдней идеи не чужды и нашъ философъ, когда онъ понятіе о Богѣ, какъ Перводвигателѣ, раскрываетъ въ смыслѣ *θεὸν πάντων τὸν ποιῆσαντα τὰ πάντα χάριτι τῶν ἀνθρώπων* (I, 3).

Переходомъ къ раскрытію частныхъ свойствъ божественной природы служить мысль о невозможности ея абсолютнаго постиженія. Она неоднократно встрѣчается въ философіи Филона ²⁾ и находится у нѣкоторыхъ другихъ апологетовъ того времени ³⁾).

Желая, насколько это возможно, частіе опредѣлить абсолютную Божественную Сущность, философъ Аристидъ дѣлаетъ указаніе на слѣдующіе признаки: 1) Богъ не рожденъ и не сотворенъ — *ἀγέννητος καὶ ἀποίητος*. Развитіе этой мысли мы находимъ въ послѣдствіи у Лактанція, который, между прочимъ, приводитъ тѣ-же самыя выраженія и указываетъ ихъ древніе источники ⁴⁾).

¹⁾ Diod. I, 11; Cicero „de natura deor. II, 37, и I, 36; Philo—de monar. I. 217 s. и de mundo—II, 602 s. см. у Raabe—63 s. Anmerkungen.

²⁾ Philo, de prof. I, 566: *οἶος (Θεός) ἐστιν, οὐκ ἐξῆραμεν, ἀμήχανον γὰρ: II, 654: θεὸν γενέσθαι δεῖ πρότερον, ὅπερ οὐδὲ οἶόν τι, ἵνα θεὸν ἰσχύσῃ τις καταλαβεῖν: de monarch. — II, 217: οὐδὲν γὰρ ἀμεινον τοῦ ζητεῖν τὸν ἀληθῆ θεὸν ἢ εὐθεως αὐτοῦ διαφύγη τὴν ἀνθρωπίνην δύναμιν.*

³⁾ Meliton: „Есть нѣчто, что называется Богомъ, и все сотворено Его силой... Его никто не видалъ и видѣть не можетъ и нельзя Его описать словомъ“. Raabe—64.

⁴⁾ Lactantius. Institution. I, 7. „Verum quia fieri non potest quin id, quod sit, aliquando esse coeperit, consequens est, ut, quando nihil ante illum fuit, ipse ante omnia ex se ipso sit procreatus. Ideoque ab Apolline *ἀπογενής*, a Sybilla *αὐτογενής* et *ἀγέννητος* et *ἀποίητος* nominatur“.

2) Онъ безначаленъ и безконеченъ, слѣдовательно, безсмертенъ — *ἀγαρτος, ἀτελεύτητος, ἀθάνατος*. Аналогію этой мысли можно видѣть у Филона ¹⁾, а ея почти буквальное выраженіе—находить въ „проповѣди ап. Петра“, „въ рѣчахъ Таціана“, въ „письмѣ Феобила къ Автолику“ и у Минуція Феликса ²⁾. 3) Онъ совершенъ — *τίλειος*. Указаніе это, напоминая Евангельское изреченіе (Мѡ. 5, 48), встрѣчается точно также въ одной изъ орацій Таціана (15 оч.) и въ письмѣ къ Автолику (II, 15). 4) Онъ не имѣеть ижеви — *ὄνομα οὐκ ἔχει* — выраженіе родственное филоновскому — *ἀκατονομαστος*, а также Іустиновому — *ἀνωνομαστος*; встрѣчается оно также и у другихъ древнихъ писателей ³⁾.

5) Онъ не имѣеть ни цвѣта, ни вѣшняго вида — *οὐτε χρώμα ἔχει οὐτε σχῆμα*. Опредѣленіе это, очевидно, непосредственно направлено противъ языческихъ представленій о Божествѣ; его можно находить въ сочиненіяхъ Іустина философа и другихъ позднѣйшихъ писателей ⁴⁾.

6) Въ Немъ нѣтъ различія мужскаго и женскаго начала — *αὐτὲ ἀρσεν... οὐτὲ θῆλυος*—очевидно, и это точно также имѣеть въ виду грубая языческія воззрѣнія, въ частности, б. м. приписываемое Ономакриту сочиненіе и *Ορφεώς θεολογία*, наполненное подобными бреднями ⁵⁾.

7) У Него нѣтъ противника и Онъ чуждъ печали или повѣдѣнія — *ἀντίπαλον οὐκ ἔχει, οὐ μετίχει ὀργῆς τε καὶ λήθης καὶ ἀγροίας*. Первую мысль находимъ у гностика Вардесана, а вторую у Филона. Въ послѣдствіи онѣ повторяются у автора посланія къ Діогнету, у Оригена и Лактанція ⁶⁾.

¹⁾ Philo de nom. mut. I, 58: *γενεαις δε φθορας ἀρχή. ἢ ποτε χρώματος, ὅτε οὐκ ἔν.*

²⁾ См. у Hennecke—53 стр.

³⁾ Philo de somn. I, 1, 30 и Just. apol I, 63. А также у Tatian. or. I и Min. Felix—18, 9. — Hennecke—53.

⁴⁾ Just. dial. 4, 221 p. Clemens — Hom. 17, 8; Orig. de princ. I, 1.

⁵⁾ См. Raabe—Anmerkungen—66. Августинъ, излагая со словъ одного жреца три вида стоическихъ ученій, указываетъ одно такое, quod docet deos necsexum habere nec aetatem, nec membra. Civit.—IV, 27. А это, какъ очевидно, и по мысли и по выраженію почти тождественно съ словамъ нашего апологета.

⁶⁾ Bardesan „de fato“—Raabe—66 s Philo „de Abrahamo“ II, 29. Ep ad Diogn. 8 8. Lactav. II. 17 и V, 20.

8) Будучи необъятенъ (*ἀχόρητος*), Онъ все объемлетъ Собою (*τὰ πάντα χωρεῖ*) Почти буквальное выраженіе этой мысли мы находимъ у Филона ¹⁾ и близкую аналогию ей — въ діалогѣ Іустина съ іудеємъ Трифономъ ²⁾. 9) Имъ все держится—*πάντα τὰ θεοῦ ἐκ' αὐτοῦ συνέχεται*. Этими словами обозначалъ Аристотель древнее, принятое всѣми людьми, ученіе, что чрезъ Бога все сотворено ³⁾. Въ христіанскомъ смыслѣ оно неоднократно употребляется въ посланіяхъ ап. Павла (напр. Кол. I, 16 ст.). 10) Въ заключеніе главы апологетъ говорить, что Богъ ни въ чемъ видимомъ не нуждается (*ἀπροσδεής*), но все имѣетъ нужду въ Немъ. Почти тоже самое говорить и Филонъ ⁴⁾; а изъ библейскихъ писаній мысль эту мы находимъ въ Ветхомъ (2 Макк. 14, 35) и Новомъ Завѣтѣ (Дѣян. 17, 25). Близкія параллели этому встрѣчаются также и въ многихъ другихъ произведеніяхъ, современныхъ апологіи Аристеда ⁵⁾. Чтобы закончить перечисленіе признаковъ, указанныхъ апологетомъ Аристидомъ въ понятіи о Богѣ, назовемъ также и тѣ, которые указаны во всѣхъ другихъ мѣстахъ апологіи, кромѣ первой главы, заключающей въ себѣ специальное раскрытіе этой идеи. Такимъ признакомъ служить, во первыхъ, мысль о а) Единствѣ Божества, косвенно указанная апологетомъ при изложеніи іудейскаго вѣроученія. Идея Единства Божества, открытая еще въ Ветхомъ Завѣтѣ (Исх. 20, 2 и 3 ст.), была повторена и въ Новомъ (Гал. III, 20, Еф. IV, 6; I Тим. I, 17; 2, 5); посему, неудивительно, что онъ часто встрѣчается въ древнѣйшихъ произведеніяхъ христіанской письменности, въ томъ числѣ и апологетическихъ ⁶⁾. Во вторыхъ, сюда относится, болѣе определенное выраженіе б) идеи Бога — Творца и Вседержителя *κτίστης καὶ παντοκράτωρ* (XIII, 3, XIV, 1. XVII, 6);

1) Philo „leg. alleg. III, м I, 96: οὐ γὰρ περιέχεται, ἀλλὰ περιέχει τὸ πάν
и S. 402: περιέχει γὰρ τὰ πάντα πρὸς μηδενὸς περιεχόμενος

2) Iust. dial. 127 p. и Praed. Petri см. у Hennecke—53 s.

3) Aristot. „de mundo 6^a—Raabe—Anmerk. 67 s.

4) Philo „de cherubim“ I, 147; *ἰκανὸς γὰρ μῶνος καὶ ἀταρξέστατος ἑαυτοῦ*.

5) Praed. Petri: „ἀνεπίδεής, οἱ τὰ πάντα κινεῖται καὶ δι' ἑῶν ὅτιν“.
apol. 1, 13; Athenag. Supp. 20.

6) Praed. Petri: *ὅτι εἷς θεὸς ἐστὶ* Sybill. proem. 7. Tatian or. 9, 19. ср.
ad. Diog. 3, 2. Min. fel. 10, 4. Athen. 3 up. 10.

наконецъ—мысль о томъ, что Богъ нетлѣнень, неизмѣнень и невидимъ—*ὄψθατος τε καὶ ἀταλλοίωτος καὶ ἀόρατος*. Подобныя мысли находимъ, какъ въ философiи Филона, такъ и въ сочиненiяхъ современныхъ Аристиду апологетовъ ¹⁾. Сюда-же, въ концѣ концовъ, можетъ быть присоединено и сравнительно слабое указаніе Аристиды на духовность Божества, въ которомъ онъ говоритъ: „*θεῶν προσίχει τὸ πνεῦμα*“ II, 10 ст. Приблизительную аналогію этой мысли можно находить въ ораціи Таціана ²⁾ и въ апологiи Аелнагора ³⁾. Таково, въ общемъ, ученіе нашего апологета о Богѣ.

Мы нарочито съ особенной подробностью остановились на немъ, такъ какъ это ученіе, составляя центральный пунктъ апологiи, всего лучше освѣщаетъ ея дѣйствительный характеръ. Въ апологiи Аристиды мы впервые встрѣчаемся съ философской формулировкой основнаго христіанскаго догмата о Богѣ-Творцѣ міра. Здѣсь философъ-христіанинъ почти всецѣло стоитъ на почвѣ древней философiи Платона, Аристотеля и, въ особенности, знаменитаго іудейскаго философа—Филона; но этого и слѣдовало ожидать отъ перваго христіанскаго философа, который еще пользуясь готовыми, старыми формами, постепенно уже начинаетъ впадать въ нихъ новое содержаніе. Въ этомъ тѣснѣйшемъ родствѣ апологiи Аристиды съ произведенiями классической философiи одно изъ очевиднѣйшихъ доказательствъ ея глубокой древности, такъ какъ въ другихъ апологiяхъ, даже ближайшихъ къ ней по времени, эта связь начинаетъ замѣтно ослабѣвать и параллельно съ этимъ—возрастать болѣе самостоятельная и ясная формулировка христіанскаго вѣроученiя. Обратимся теперь снова къ изложенію содержанiя апологiи.

Установивъ въ первой главѣ истинное понятіе о Богѣ. безотносительно къ какой-либо религіозной формѣ, Аристидъ въ слѣдующей главѣ кратко характеризуетъ существующія религіозныя группы и ихъ представленiя о Богѣ. Въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ главъ (III—XVII включительно)

¹⁾ Philo S. b. frag. II, 17. 2. Iust. dial. 5, 225 p. Theoph. ad Autol. I, 4. Athenag. supp. 22 Philo—Le nom. mut. M. I, 578 p. Iust. dial. III, 221 и др.

²⁾ Tatian. or. 4.

³⁾ Athenag. Supp. 16 —Hensecke—52

онъ прилагаетъ установленный имъ въ первой главѣ критерій истиннаго понятія о Богѣ ко всеѣмъ религіознымъ группамъ, указаннымъ во второй главѣ, и находитъ, что изъ всеѣхъ существующихъ религій вышеуказанный критерій приложимъ только къ одной, именно—къ религии христіанъ, подробно изображенію которой онъ и посвящаетъ три послѣднія главы (XV—XVII гл.). Таковъ, вкратцѣ, планъ апологіи Аристиды.

Что касается самого характера ея дальнѣйшаго изложенія, то здѣсь должно отмѣтить, что вторымъ отличительнымъ признакомъ нашего апологета, послѣ философскаго—служить этическій (нравственный) характеръ основныхъ его сужденій. Послѣдовательно разсматривая все главныя религіозныя формы, онъ оцѣниваетъ ихъ съ точки зрѣнія общеобязательной морали и сообразно съ этимъ противорѣчащее ей порицаетъ и отвергаетъ, а отвѣчающее—принимаетъ и одобряетъ. То же преобладаніе моральной точки зрѣнія надъ теоретической сказалось и на изображеніи нашимъ апологетомъ христіанства, въ которомъ онъ мало вниманія удѣляетъ вѣроученію христіанъ, но съ тѣмъ большею подробностью и даже любовью рисуетъ намъ живыя картины привлекательнаго образа жизни первенствующихъ христіанъ. И такое отношеніе къ дѣлу было совершенно въ духѣ того времени. Христіане первыхъ вѣковъ не любили разсуждать о догматахъ вѣры, но стремились жить по заповѣдямъ Господнимъ; на первомъ планѣ стояла у нихъ нравственность (этика), догматика-же, въ смыслѣ теоретической разработки ученія Священнаго Писанія, была въ самомъ зачаточномъ состояніи. Это положеніе вещей нашло себѣ вѣрное отраженіе и въ сочиненіи апологета Аристиды, у котораго въ изображеніи христіанства, очевидно, преобладаетъ мораль, догматика-же развита сравнительно слабо. Тѣмъ большую цѣнность приобрѣтаютъ для насъ и эти немногія указанія на христіанское вѣроученіе, въ качествѣ древнѣйшихъ историческихъ слѣдовъ научной обработки догматовъ, относящихся къ одному изъ начальныхъ періодовъ въ исторіи развитія христіанской догматики. Въ виду этого, мы и намѣрены сдѣлать сжатый очеркъ мыслей апологіи, имѣющихъ догматическое значеніе.

По словамъ одного извѣстнаго историка христіанскихъ

догматовъ, самое слово *δόγμα* въ техническомъ смыслѣ впервые стало употребляться лишь апологетами ¹⁾; но у нашего апологета его еще не встрѣчается, а обозначаемое имъ понятие выражается ею, менѣе опредѣленными синонимами — *ἐντολή*, *πρόσταγμα* и *οἱ λόγοι*; изъ нихъ первые два, можно думать, касаются не столько вѣроученія, сколько правоученія и лишь только послѣднее относится, вѣроятно, прямо къ догматикѣ.

Основные догматы христіанской религіи изложены апологетомъ Аристидомъ во второй главѣ его апологіи, гдѣ, между прочимъ, онъ предлагаетъ и сжатую характеристику христіанства. Въ ней онъ говоритъ, что „христіане ведутъ начало своей религіи отъ Господа Иисуса Христа, Который исповѣдуется Сыномъ Бога Вышняго, низшедшимъ въ Духъ Святомъ на землю; рожденный отъ Еврейской дѣвы, Онъ принялъ плоть, и Сынъ Божій сталъ человѣкомъ... Онъ имѣлъ 12 учениковъ и, завершивъ свое удивительное домостроительство, былъ распятъ Иудеями. Послѣ трехъ дней, Онъ воскресъ и вознесся на небо“. (II, 6 и 8). Не трудно видѣть, что въ этой кратчайшей исторіи Основателя христіанства намѣчены всѣ главнѣйшіе догматы послѣдняго, какъ-то а) Божественное Сыновство Господа Иисуса Христа, б) Его непорочное зачатіе въ Св. Духѣ, в) нетлѣнное рожденіе отъ Маріи—Дѣвы и полное вочеловѣченіе Сына Божія, г) совершеніе Имъ дѣла нашего спасенія, запечатлѣнное крестною смертію и д) наконецъ, Его тридневное воскресеніе и вознесеніе на небо. Чтобы закончить кругъ христіанскихъ догматовъ, находящихся въ апологіи Аристида, мы должны присоединить сюда неоднократно встрѣчающееся у него указаніе на живое ожиданіе со стороны современныхъ ему христіанъ е) воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка (XV, 3. XVI, 2 и 3, 5. XVII, 8).

Если мы къ только что изложенному ученію апологета Аристида о Личности Иисуса Христа присоединимъ вышеуказанное ученіе его о Богѣ — Творцѣ міра (1 гл.), то достаточно будетъ одного простаго сопоставленія круга

¹⁾ *Harnack* „Lehrbuch der Dogmengeschichte“ Dritte Aufl. I B. 482 s. Freib. und Leipzig 1894

догматическихъ идей нашего апологета съ никео-цареградскимъ символомъ вѣры, чтобы замѣтить ихъ несомнѣнное родство: онъ точно также начинаетъ съ вѣры въ единого Бога—Отца, Творца и Вседержителя, Которымъ все состоитъ; затѣмъ переходитъ къ Господу Иисусу Христу, называетъ Его Сыномъ Бога Вышняго, говоритъ о Его зачатіи отъ Духа Св. и рожденіи отъ Маріи дѣвы, о Его истинномъ вочеловѣченіи, Его распятіи, тридневномъ воскресеніи и вознесеніи на небо; наконецъ, у него опредѣленно выражено „чаяніе воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“.

Конечно, тутъ нѣтъ полнаго сходства: тѣ же мысли въ никео-цареградскомъ символѣ вѣры выражены полнѣе и опредѣленнѣе и въ добавленіе къ нимъ присоединены еще новыя, напр. ученіе о Св. Духѣ, о Церкви и таинствахъ; но въ существующихъ параллеляхъ очевидно близкое родство, простирающееся иногда до полнаго тождества въ самыхъ выраженіяхъ (напр. *Θεός — κτίστης καὶ Πατοκράτωρ, δι' αὐτοῦ δὲ τὰ πάντα συνέστηκεν, εἰς τὸ θεοῦ, ἐξ πατρὸς γεννηθεὶς, μετὰ τρεῖς ἡμέρας ἀνέβη καὶ εἰς οὐρανοὺς ἀνῆλθεν, προσδοκῶντες ἀνάστασιν νεκρῶν καὶ ζωὴν τοῦ μέλλοντος αἰῶνος*.) Очевидно, такимъ образомъ, что никейскій символъ вѣры представляетъ собой дальнѣйшее развитіе той вѣроисповѣдной формулы, которую мы находимъ у ап. Аристиды; а что это была именно опредѣленная формула, а не простой подборъ догматическихъ истинъ христіанства, за это говорить ея сходство въ кругѣ идей, ихъ расположеніи и внѣшнемъ выраженіи съ никео-цареградскимъ исповѣданіемъ вѣры, имѣющимъ у насъ символическое значеніе. По справедливому объясненію ученыхъ древнія исповѣданія вѣры, подобныя имѣющемуся въ апологін Аристиды, представляютъ изъ себя ту крещальную формулу, которая легла въ основу всѣхъ древнихъ символовъ вѣры до никео-цареградскаго включительно. Сама она образовалась, по заповѣди Спасителя (Мѡ. XXVIII, 19), изъ тѣхъ необходимыхъ огласительныхъ свѣдѣній о христіанствѣ, которыя должны были предварять крещеніе, вслѣдствіе чего первоначально и получила названіе „крещальной“; къ половинѣ втораго вѣка эта крещальная формула получила опредѣленное выра-

женіе и всеобщее распространеніе ¹⁾; се-то мы и находимъ въ апологіи Аристидѣ философа. „Ходъ мыслей—сначала о Единомъ истинномъ Богѣ, потомъ о божественномъ посольствѣ Христа былъ соотвѣтствененъ тогдашнему обученію оглашенныхъ (катехуменату) и встрѣчается также у Иустина, а позднѣе — у Тертулліана“ ²⁾.

Изъ другихъ болѣе или менѣе цѣнныхъ указаній апологета Аристидѣ, имѣющихъ догматическое значеніе, можно отмѣтить нѣкоторые намеки на существованіе Новозавѣтнаго канона. Древне-христіанскіе писатели, какъ извѣстно, привели тѣ или другія выраженія Св. Писанія, но имѣли обыкновенія выражать ихъ буквально и указывать мѣсто заимствованія; обыкновенно, они брали только мысль текста, а выражали ее своими словами, предваряя ее замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго *Κρίως λέγει, αυτός εφη*. Такъ было въ теченіи всего періода мужей апостольскихъ, у которыхъ, хотя и встрѣчаются неоднократно и многочисленныя ссылки на новозавѣтныя писанія, однако еще нѣтъ указанія на опредѣленный составъ ихъ. Значительный шагъ впередъ представляетъ въ этомъ отношеніи апологія Аристидѣ; правда, и онъ въ своихъ позаимствованіяхъ изъ Св. Писанія не указываетъ цитата, равно какъ и не особенно строго держится буквы текста, но у него есть уже свидѣтельства объ образованіи нѣкотораго состава Св. Писанія.

Такимъ свидѣтельствомъ служитъ неоднократно указаніе апологета на „Писанія христіанъ, какъ источникъ ихъ вѣро и правоученія. Въ общемъ понятіи „Писаній христіанъ“ *γραφαί, γραφαί χριστιανῶν* XV, I, XVI, 3, 5), апологетъ различаетъ, повидимому, частный видъ „Евангельское писаніе“ (*εὐαγγελικὴ γραφή*), II, 7), давая этимъ понятъ, что во всеобщемъ упогребленіи христіанъ, въ качествѣ опредѣляющихъ нормъ ихъ жизни, кромѣ Евангельскаго, были и другія священныя писанія.

Въ содержаніи самой апологіи можно находить слѣды знакомства ея автора съ Евангеліями Матѳея и Іоанна, съ книгой Дѣяній Св. апостоловъ съ соборн. Посланіями ап.

¹⁾ 4. *Harnack* „Lehrbuch der Dogmengeschichte“ 321 s.

²⁾ *Himpel* „Das Fragment der Apologie des Aristides“ Theolog. Quartalschr. 1880. 125 s.

Петра, а изъ посланій ап. Павла съ послан. къ Рим. Филипп., Колоссянамъ, Титу, Тимоою и нѣкоторый намекъ на посланіе къ Евреямъ ¹⁾.

Но для насъ важны далеко не эти, быть можетъ, даже спорные, отрывки изъ Новозавѣтныхъ писаній, а общее указаніе на существованіе ихъ въ формѣ извѣстнаго свода Писаній, который можно было взять и прочитатъ и узнать, что такое христіанство.

Мы исчерпали весь кругъ теоретико-догматическихъ воззрѣній апологета Аристиды и признаемъ, что онъ не отличается ни богатствомъ идей, ни полнотой ихъ развитія. Онъ, какъ это мы видѣли, состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: идеи чистаго монотеизма и монотеистической космологіи, развитой, главнымъ образомъ, на почвѣ языческо-іудейской философіи, и вѣроисповѣдной крещальной формулы древне-христіанской Церкви. Такъ что, если-бы мы даже и не были увѣрены, что писателемъ нашей апологіи былъ философъ Аристидъ, то, на основаніи одного догматическаго ученія этой апологіи, автора ея мы никакимъ образомъ не могли-бы отнести дальше половины 2-го вѣка. Въ частности, апологія эта написана раньше знаменитыхъ апологіи Іустина философа, какъ показываетъ это ея полная независимость отъ іустиновскаго способа защиты и веденія доказательствъ. Главной отличительной чертой, раздѣляющей апологіи этихъ двухъ философовъ, служить идея Логоса, введенная и раскрытая въ сочиненіяхъ Іустина. Идея эта не была совершенно новымъ явленіемъ, впервые возникшимъ лишь на христіанской почвѣ, нѣтъ—она перенесена сюда изъ той же классической философіи и въ частности изъ хорошо знакомой уже намъ—философіи Филона. Но она была введена и обработана Іустиномъ, какъ подходящая форма для выраженія христіанскихъ догматовъ о превѣчномъ рожденіи и до-мірномъ существованіи Сына Божія и Его временномъ, историческомъ явленіи людямъ. Смотря съ этой высшей, провиденціальной точки зрѣнія

¹⁾ Мат. V, 48, Мат. XIII, 44 и апол. XVI 2. Іо. III, 13, VI, 38 и 42 и апол. II, 6. Рим. I, 25 и ап. III, 2 Рим. XI, 36, Кол. I, 16 и ап. I, 6. Дѣян. XV, 29 и ап. XV, 2. Кол. III, 12 и XV, 6 апол. I Петра II, 20 и ап. XVII, 2. II-ое Тим. III, 13 и ап. XVI, 6, I Тим. I, 13 и ап. XVII, 4 Тит. II, 12 и ап. XV, 6 I Пет. IV, 9 и XV, 7 Евр. XIII 3 и ап. XV, 8 и проч.

на всю міровую исторію, Іустинъ философъ сочувственно относится и къ языческой философiи, поскольку на замѣчаемые въ ней проблески истины онъ смотритъ, какъ на слѣды промыслительной дѣятельности Логоса въ мірѣ.

Ничего подобнаго не находимъ мы въ апологіи нашего аѳинскаго философа: ему совершенно чужда идея Логоса, такъ какъ у него нѣтъ и рѣчи о до-христіанскомъ дѣйствіи Сына Божія въ мірѣ, онъ знаетъ и говоритъ лишь объ историческомъ Откровеніи Сына Божія въ Богочеловѣкѣ—Иисусѣ Христѣ ¹⁾. Отсюда-же объясняется враждебно-отрицательное и непослѣдовательное отношеніе Аристиды къ языческой философiи. Дѣйствительно, хотя Аристидъ до обращенія въ христіанство былъ языческимъ философомъ, и послѣ обращенія по прежнему, постоянно пользуется терминами этой философiи, онъ крайне враждебно относится къ ней и все тамъ подвергаетъ огульному осужденію. Его ревность, какъ новообращеннаго христіанина, не позволяла ему замѣтить свѣтлыхъ сторонъ языческой философiи и въ частности, закрыла отъ него тотъ примирительный выходъ, который былъ найденъ Іустиномъ и широко раскрытъ послѣдующими богословами александрійской школы.

Нѣтъ также въ апологіи Аристиды еще и другого вѣскаго аргумента въ защиту христіанства—указанія на буквальное исполненіе мессіанскихъ пророчествъ, обстоятельно и подробно развитаго въ произведеніяхъ Іустина философа. Все это даетъ намъ право утверждать, что апологія Аристиды написана раньше произведеній Іустина; и если появленіе послѣднихъ относится къ началу второй половины второго вѣка, то написаніе первой не можетъ быть отнесено дальше конца первой половины этого вѣка; словомъ, въ вопросѣ о времени апологіи Аристиды, апологіи Іустина служатъ тѣмъ самымъ, что называется *terminus ad quem*.

Вторымъ и преобладающимъ моментомъ въ апологіи Аристиды служить, какъ мы уже отмѣчали, нравственно практической. Съ этой точки зрѣнія онъ въ цѣломъ рядѣ главъ (III—XIII) рѣшительно осуждаетъ всѣ религіозныя формы язычества съ его философскими ухищреніями включительно. И здѣсь нашъ апологетъ постоянно имѣетъ аналогіи собѣ

¹⁾ А. Harnack, Lehrbuch. d. Dogmengeschicht. 498 s.

въ предшествовавшихъ современныхъ, или послѣдующихъ ему сочиненіяхъ. Такъ, указанія на различныя черты общей характеристики существующихъ религіозныхъ группъ, данныя нашимъ апологетомъ во второй главѣ, находятъ себѣ параллели въ космогоніяхъ Гомера и Гезіода, въ сочиненіяхъ Филона и Плутарха¹⁾. Мысли Аристиды, что язычники въ поискахъ истиннаго Бога впали въ большое заблужденіе, обоготворивъ различные тлѣнные предметы (III т.), сильно напоминаетъ подобную-же въ апологіи Мелитона: „и тогда, какъ люди ищутъ Бога, случилось, что они встрѣтили препятствіе къ этому, въ камнѣ, деревьяхъ, золотѣ и серебрѣ“²⁾. Выраженіе апологета, что „языческіе боги нуждаются въ охранѣ“ встрѣчается въ послѣдствіи у Лактанція, который восклицаетъ относительно языческихъ боговъ: „Quae vanitas, aliquam ab his sperare tutelam. quae fueri semetipsa non possunt!“³⁾ Безсмысленность почитанія элементовъ — огня, воды, неба, земли, солнца и т. п., которую намъ апологетъ развиваетъ въ нѣсколькихъ главахъ (IV—VII), находитъ себѣ соответствующія параллели въ другихъ древнихъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческо-философскихъ сочиненіяхъ. ⁴⁾ Особенно близко по мысли и выраженію къ нашему апологету стоитъ Мелитонъ, говоря: земля, которую мы попираемъ ногами, не можетъ быть Богомъ, и небо, которое мы видимъ, и солнце и луна и всѣ звѣзды, которыя движутся кругомъ по принужденію, а не по собственному желанію, не могутъ быть богомъ“⁵⁾ Далѣе, въ VIII—XI гл. Аристидъ безпощадно обрушивается на греческую религію и окончателно ее развѣнчиваетъ. Въ XII гл. онъ разсматриваетъ египетскую религію и находитъ ее самой низшей и тугой. Въ главѣ XIII апологетъ снова возвращается къ греческой религіи и на этотъ разъ разбиваетъ тѣ софизмы, которыми греческіе мудрецы и позже хотѣли прикрыть внутреннюю ложь своей религіи.

1) См. у Raabe—Anmerkungen 67—68 с 1. и II, XI, 1. 1892.

2) Мелитона апологія Преображ. Памятн. др. хр. письм. 7 т. 30 ст. Москва 1866 г

3) Lactanz.—Justit. II. 4

4) См. у Raabe. Anmer. 73—75 с.

5) Мелитонъ—Преобр.—29 стр.

Находя сужденія апологій объ язычествѣ вообще и о греческой философіи въ частности, излишне рѣзкими и даже неестественными въ устахъ бывшаго философа, нѣкоторые основывали на этомъ свое сомнѣніе въ дѣйствительной принадлежности этой апологій философу Аристиду. Но мы уже видѣли, почему Аристидъ, не найди компромисса между старой философіей и новой религіей, долженъ былъ отрицательно относиться къ первой. Такое именно отношеніе понятно и психологически, — заблужденія языческой философіи составляли больной пунктъ личной жизни Аристида, такъ какъ и самъ онъ нѣкогда раздѣлялъ тѣ убѣжденія, о которыхъ не можетъ теперь говорить безъ стыда и отвращенія. Притомъ апологетъ ничего не говоритъ отъ себя — всѣ его рассказы объ языческихъ и греческихъ богахъ основаны на свидѣтельствѣ самихъ-же язычниковъ. Да наконецъ, должно принять во вниманіе и то, что въ своихъ довольно рѣзкихъ сужденіяхъ объ язычествѣ, нашъ апологетъ далеко не одинокъ: подобные-же отзывы о немъ даютъ Теофилъ въ письмѣ къ Автолику, Мелитонъ Сардійскій, Минуцій Феликсъ и авторъ письма къ Діогнету ¹⁾.

Во взглядѣ на іудейство нашъ апологетъ опять болѣе строгъ, чѣмъ другіе древніе апологеты; хотя онъ и отдѣляетъ іудеевъ, какъ монотеистовъ, отъ язычниковъ, но повидимому, не признаетъ за іудействомъ (по крайней мѣрѣ въ современной ему формѣ) значенія богооткровенной религіи, такъ какъ отъ Бога чрезъ Христа онъ производитъ однихъ только христіанъ. Въ этомъ отношеніи, не расходясь по существу съ другими древними апологетами — Іустиномъ, Таціаномъ и др. — Аристидъ особенно сближается съ авторомъ „письма къ Діогнету“, поскольку оба они, предварительно похваливши іудеевъ за ихъ монотеизмъ, переходятъ къ рѣшительному осужденію ихъ за ихъ неправильное почитаніе Бога ²⁾.

Особенно интересны три послѣднія главы апологій, въ которыхъ авторъ ихъ даетъ изображеніе христіанства. Для

¹⁾ См. сочиненія этихъ апологетовъ въ 4 т. „Памятниковъ древ. христ. письменности“ Преображенскаго.

²⁾ *Krüger* „Aristid als Verfass Briefs an Diognet. Zeitsch. f. wiss. Theologie 1894. N. 2 216 s.

всякаго непредубѣжденнаго читателя подлинность ихъ безспорна и очевидна. Это страничка изъ исторіи первобытнаго христіанства, живая картина ихъ общественныхъ отношеній и частной жизни. Центръ тяжести этого описанія лежитъ въ изображеніи этической стороны христіанства. Здѣсь апологетъ довольно подробно и живо рисуетъ намъ различныя черты образа жизни и поведенія христіанъ, причемъ многія изъ этихъ указаній настолько приближаются къ апостольскимъ описаніямъ, что какъ будто-бы они одновременно были списаны съ натуры; отсюда слѣдуетъ, что христіанское общество, которое имѣетъ въ виду апологетъ, стояло по своему духу еще слишкомъ близко ко временамъ апостоловъ ¹⁾. Наконецъ, самый характеръ этихъ указаній, полный величавой простоты и апостольскаго духа, и способъ ихъ изложенія, чуждый намѣреннаго порядка въ расположеніи мыслей, вылившихся непосредственно изъ сердца глубоко-вѣрующаго христіанина, находящагося подъ обаяніемъ нравственной силы послѣдняго—все это возможно лишь въ первыя времена христіанства и только тогда. Въ частности, характеристическое названіе христіанъ „новымъ родомъ“ (*καὶνὸν ἔθνος*) находящееся у нашего апологета (XVI, 4), встрѣчается и въ другихъ древнихъ сочиненіяхъ церковныхъ писателей, напр. въ посланіи къ Діогнету: „*καὶνὸν τοῦτο γένος*“ и Praed. Pet: *καὶνὸς τὸν θεὸν σεβόμενος*“ ²⁾; подобное ему—у Мелитона: „*τὸ τῶν θεοσεβῶν γένος*“, ³⁾, такъ что оно характерно для христіан. древности.

Въ заключеніи всей апологіи мы находимъ указанія, весьма цѣнныя для насъ въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о времени написанія этой апологіи, мы разумѣемъ, тѣ, именно, мѣста послѣдней главы апологіи, въ которыхъ говорится,

¹⁾ Апологетъ говоритъ, напр. что „жены христіанъ чисты“, на что указываютъ и ап. Петръ—I Пет. III, 2 и Павелъ—Евр. XIII, 4. „Христіане заботятся о сиротахъ“—I Тим. V, 3; „вспоминаютъ плѣнныхъ“—Евр. XIII, 3; „благодарятъ Бога на всякій часъ за всякую пищу и питіе“—I Кор. XII и др. „Они не прелюбодѣйствуютъ, ни лжезвидѣт., не видятъ чужаго... чего не хотятъ себѣ, того не дѣлаютъ другому, увѣщываютъ обижавшихъ ихъ, стараются благотворить даже врагамъ“—все это идеальныя черты первохристіанскаго общества

²⁾ Raabe—Anmerkungen 96 s

³⁾ Harnack „Die Apologie des Quadrates und Aristides. 113 s T u Unter. I 13.

что языческое общество возложило на христіанъ клевету въ безнравственности и нечестіи (XVII, 2 и 6). Въ заключительныхъ стихахъ послѣдней главы апологетъ обращается съ прямымъ воззваніемъ прекратить клеветы и злословіе христіанъ и познать истину о нихъ (XVII, 6). Смотри на этотъ призывъ, какъ на конечную цѣль апологіи, мы въ правѣ видѣть начальный поводъ къ написанію апологіи, именно въ этихъ гнусныхъ клеветахъ и злословіи христіанства, какъ нечальныхъ слѣдствійхъ полнаго незнакомства съ его дѣйствительной сущностью. А такъ какъ апологетъ ничего не говоритъ о какихъ-бы то ни было стѣсненіяхъ, преслѣдованіяхъ и вообще, о гоненіяхъ на христіанъ, то ясно, что оппозиція христіанству со стороны язычества отъ словъ еще не переходила къ дѣлу, — была, такъ сказать, въ первомъ фазисѣ своего развитія. А въ такомъ положеніи она, какъ извѣстно, находилась не особенно долго, выразившись со второй половины второго вѣка (въ царствованіи Марка Аврелія—161—180) въ цѣломъ рядѣ систематическихъ и жестокихъ гоненій на христіанъ. Впрочемъ, первая попытка этихъ гоненій была сдѣлана еще въ самомъ началѣ второго вѣка (царствованіе Траяна — 98 — 117); но оно вскорѣ прекратилось и не возобновлялось въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Хронологическія даты двухъ первыхъ гоненій и служатъ предѣльными терминами времени составленія нашей апологіи. Изъ анализа содержанія апологіи мы уже видѣли, что она, безспорно, есть произведеніе второго вѣка. Но такъ какъ въ ней нѣтъ положительно никакого указанія на гоненія, при всей неизбежности подобнаго указанія, если бы гоненія дѣйствительно существовали, то, слѣдовательно эта апологія не можетъ быть поставлена въ началѣ второго вѣка (гоненіе Траяна), равно какъ и не можетъ быть отнесено во вторую половину второго вѣка, къ царствованію Марка Аврелія. Очевидно, что она могла быть написана только въ промежутокъ между 117—160. Но и этотъ промежутокъ слѣдуетъ сократить, — на томъ основаніи, что апологія Аристида, какъ мы старались доказать, написана раньше апологіи Іустина, а послѣдняя относится къ царствованію императора Антонина Благочестиваго (138 — 160); слѣдовательно время составленія апологіи Аристида падаетъ на царствованіе

Адриана (117—138 г.), что вполне согласно и съ выше-
нимъ историческимъ свидѣтельствомъ Евсевія и съ общей
древне христіанской традиціей и подтверждается показаніемъ
написаній двухъ версій апологіи — армянской и сирской
въ сокращенной редакціи.

Чтобы покончить съ вопросомъ о времени написанія
апологіи Аристида, намъ остается устранить еще одно,
довольно серьезное, недоразумѣніе, порожаемое распро-
страненной редакціей написанія апологіи въ ея сирскомъ
переводѣ. Въ ней, именно, мы читаемъ: „императору Титу
Адриану Антонину Августу и Пію, Маркіана Аристида,
аеинскаго философа“. На основаніи этого, многіе изъ
ученыхъ считаютъ адресатомъ апологіи императора Анто-
нина ¹⁾. Такъ какъ изъ содержанія апологіи мы уже видѣли, что
она должна быть отнесена ко времени царствованія Адри-
ана, то намъ остается только объяснить происхожденіе
этой ошибочной надписи, которая одна служитъ виною
разногласій въ вопросѣ о времени. Здѣсь возможно такое
правдоподобное предположеніе. Съ теченіемъ времени, по
мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ интересъ къ прошедшей эпохѣ
гоненій, живая традиція объ апологіи Аристида стала за-
бываться. Всѣ эти апологіи, утративъ свое жизненно-прак-
тическое значеніе, получили лишь литературно-историче-
скій интересъ, и въ этомъ отношеніи особенно выдвинулось
царствованіе Антонина Пія, бывшее временемъ разцвѣта
апологетической литературы. Не мудрено, что переводчикъ
сиріецъ, плохо освѣдомленный объ исторіи апологетики, не
зналъ о царствованіи Адриана—какъ времени возникновенія
этого рода литературы,—но слышалъ о царствованіи Анто-
нина Пія,—какъ выдающемся періодѣ апологетической ли-
тературы,—а посему не задумался отнести и свою апологію
именно къ этому времени. Причемъ греческую надпись съ
указаніемъ на Адриана онъ могъ принять за сокращеніе
полнаго имени императора Антонина, въ составъ котораго
входило и первое названіе ²⁾. А такъ какъ сирскій пере-

¹⁾ Dahn, Selberg, Harris, Egli, Raabe и др.

²⁾ Полный титулъ императора Антонина Пія, сохранившійся на анти-
охійскихъ и александрійскихъ монетахъ его времени, читается такъ:
Ἀυτοκράτωρ Καλοῦρ Τίτος Αἰλῶς Ἀδριανός Ἁλιωνεῖν Σεβαστός Ἐδσεβής“
См. *Egli Ueber die Zeit Ap. Arist. Zeitsch. f. w. Th.* 1892. 113 s.

водчикъ, что мы уже видѣли, страдаетъ вообще слабостью распространять текстъ не всегда удачными собственными толкованіями, то и въ данномъ случаѣ онъ захотѣлъ, для большей опредѣленности, распространить краткую надпись греческаго текста апологіи, благодаря чему адресатомъ ея вмѣсто Адріана, ошибочно получился Антонинъ Пій.

Итакъ, на основаніи внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ, мы, вмѣстѣ съ Евсевіемъ, Нагнаск'омъ, Нимрел'омъ, Hilgenfeld'омъ и др., признаемъ подлиннымъ согласное показаніе объ адресатѣ двухъ написаній апологіи—армян. и краткой сирской.

А. Покровскій.
